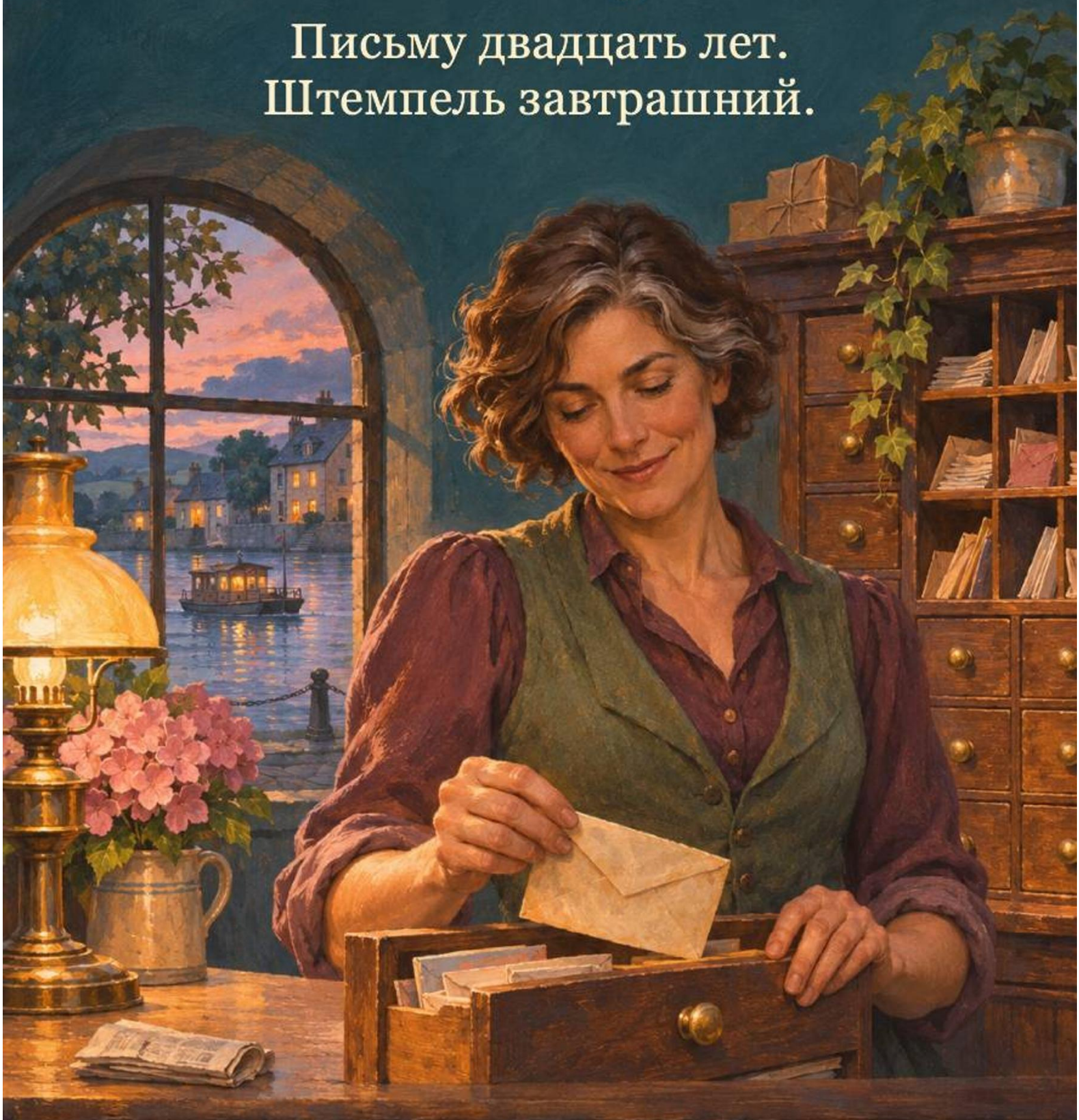
Почта

после полуночи

Письму двадцать лет.
Штемпель завтрашний.



МАРТА ХЕЙС

Марта Хейс

Почта после полуночи

«Автор»
2026

Хейс М.

Почта после полуночи / М. Хейс — «Автор», 2026

От почты до дома лодочника двести шагов. Письмо от жены шло к нему двадцать лет.Жены уже девять лет нет в живых. Лодочник ставит чайник и просит Нору Вейл почитать вслух. Жена напоминает про горох и сердится, что он опять сунул ей в дорогу два варёных яйца. Лодочник смеётся, а Нора переворачивает конверт. На обороте синим карандашом выведено «Вручено».Нора приехала домой закрыть речную почту. Через шесть недель пора сдавать ключи, и она обещала разнести всё до последнего письма. Но после полуночи старый ящик сам выдвигается ровно на толщину конверта. На нём имя её младшей сестры. Штемпель завтрашний.Нора помнит, как писала Элси перед отъездом. Звала уехать вместе. Двадцать лет она считала, что сестра прочла письмо и решила остаться. Теперь ей придётся постучать в знакомую дверь с тем самым конвертом. Он всё ещё заклеен. А за доставку расписалась сама Нора.

© Хейс М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двести шагов 5
Глава 2. Со двора 8
Глава 3. Обратный рейс 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Марта Хейс
Почта после полуночи

Глава 1. Двести шагов

— От Лиды, — сказал лодочник, едва я протянула ему письмо. — Вот ведь. А я сегодня чистую рубаху хотел надеть.

Он посмотрел на себя. Рубаха была в рыбьей чешуе, на левом рукаве от локтя до запястья темнело мокрое пятно.

— Успеете переодеться, — сказала я.

— Это вряд ли. Она девять лет как умерла. Заходи, Нора, я чайник поставлю.

Я придержала за ним калитку, чтобы не хлопнула. В детстве мне однажды влетело от Лиды за эту калитку. Пружину с тех пор сняли, а я всё придерживала.

До пристани от почты было двести шагов. Пока шла, я больше думала о завтраке, чем о письме. Накануне вечером я приняла ключи от речной почты, съела грушу и легла в бывшей комнате для приезжих почтальонов. Внизу всё было прибрано. Только из ящика стола торчала свёрнутая газета. Я выдернула её, отнесла наверх и до утра подкладывала под короткую ножку кровати то одним сгибом, то другим.

Утром ящик стоял чуть приоткрытый. В нём лежал конверт, надписанный круглыми буквами, какие хорошо читать даже спросонья. «Тому Ардену. Пристань. В собственные руки». Я надела башмаки и пошла по адресу. Про Лиду я не знала. В порту мне случалось разбирать по мешку чужих писем за день. На моё имя последнее пришло четыре зимы назад. Хозяйка квартиры просила заплатить за уголь.

Том придвинул мне табурет, снял очки и протёр их уголком скатерти. Чайник он поставил прямо в угли. Конверт всё это время держал в зубах за краешек.

— Давайте надрежу, — сказала я. — Бумага на сгибе ломкая.

Он отдал мне письмо. Я достала из сумки костяной нож, завела плоский кончик под отставший угол клапана и провела до середины. Дальше клей ещё держал. Пришлось зайти с другой стороны. Лида обмазала клапан до самых краёв, как человек, однажды уже получивший по почте пустой конверт.

Я вынула лист и подала Тому. Он надел очки.

— Нора, прочти мне вслух.

Я пересела к окну и начала погромче.

— «Том, доехала хорошо. У Бет в кухне теперь синяя плитка, и на ней видно каждую каплю. Про горох. Ты, когда поливаешь, запусти после палец в землю. Сверху у тебя всегда замечательно».

— Вслух у тебя хорошо выходит, — сказал Том. — Только она это всё говорила чуть потише.

Дальше я читала тише.

— «И объясни мне, пожалуйста, для чего я дома съела яйцо, если у меня ещё два лежали в кармане. Одно я нашла, когда платила за лодку. Другое, когда села».

Том снял чайник с огня.

— Прямо так и написала? Когда села?

Я повернула лист. Он подвинул очки пальцем, нашёл строчку и засмеялся. Пришлось взять у него чайник. Кипяток уже плеснул на плиту.

— Она по утрам есть не могла, — сказал он. — А плыть до сестры полдня. Ну я и клал ей с собой. Каждый раз прятал в новое место. Сколько лет думал, куда ж я в тот раз второе сунул.

— В карман, стало быть.

— В оба, Нора. В оба.

Он налил чаю. Я дочитала приписку о том, что Бет кланяется, больное колено у неё гнётся и к воскресенью Лида будет дома. Том сам забрал листок у меня из рук.

— Ещё разок про себя можно?

Меня за всю мою почтовую службу просили разрешить что угодно. Отправить внуку гусёнка в шляпной коробке. Забрать у мужа письмо, пока он не проснулся. Читать собственное письмо сколько захочется у меня спросили впервые.

— Теперь оно ваше, Том.

Пока он читал, я разглядывала конверт. На пристанском клейме середина звезды была забита краской. В детстве я видела эту звезду на прилавке в лодочной будке. Меня тогда пришлось подсадить, чтобы я до неё дотянулась. На обороте синим карандашом было выведено «Вручено». От воды карандаш расплылся, и синева проступила розовыми жилками на лицевой стороне. Утром я приняла их за узор на бумаге.

— Том, когда Бет клала на кухне плитку?

— В год большой воды. Я ей на раствор песок возил. А что?

— Пытаюсь понять, где было письмо эти двадцать лет. Вы с Лидой в ту весну жили здесь же?

— Тут. Давай покажу.

Он распахнул кухонную дверь. Из-за стола я увидела гороховую грядку, за ней полоску серой воды, левее — крыльцо почты. Кто-то уже брался за ручку запертой двери.

— Видишь, как от вас удобно? — сказал Том. — Можно глянуть, дома ли я, и уж потом ноги бить.

Я поблагодарила за чай. У калитки он меня догнал.

— Может, и конверт отдашь?

Я так и держала его двумя пальцами за угол. Двадцать лет до него никому дела не было, а стоило найтись человеку, который хотел его оставить, как почте понадобился конверт.

— Отдам. Можно сперва перерисовать клеймо?

Том упёрся спиной в калитку, я положила на верхнюю перекладину записную книжку. Пока я рисовала, кто-то на почтовом крыльце постоял на цыпочках, заглядывая в окно, и ушёл.

— Ты надолго к нам? — спросил Том.

— На шесть недель. Пока мебель продам, пока передам маршрут в округ. Начальница ваша на пенсию ушла, мне поручили закрыть отделение.

— А письма?

— Разнесу. Если кого не найду, письмо вернётся к отправителю. Я себе до пятницы на это отвела.

— Понятно, — сказал он. — Тогда, если ещё от неё придёт, ты и после пятницы не стесняйся.

Я убрала карандаш. Том аккуратно вложил письмо в конверт и только тогда отошёл от калитки.

К вечеру я отыскала хозяина посылки, на которой дождём смыло половину адреса. Когда я наклонила коробку, под крышкой что-то тонко звякнуло. От имени на ярлыке уцелели последние четыре буквы. Я попробовала прочесть адрес целиком. «Пандоре». Пандору я здесь не знала. «Теодоре».

Я отнесла коробку нашей портнихе. Она при мне распорола холст. В вате лежали две стеклянные вишенки на серебряных дужках. Теодора тут же вдела их в уши и пошла искать зеркало. Я-то рассчитывала на булавки. Адрес на всякий случай проверила по счёту. Всё сходилось.

Домой я вернулась с хлебом, сыром и твёрдым намерением выспаться. Разрезала хлеб на том самом столе. Одна крошка застряла в щели над ящиком, и я вытащила его целиком. На дощечке у ручки изнутри выжгли одно слово. «Вручено». Старые квитанции полагалось хранить именно здесь, до переноса в книгу.

Я провела ладонью по дну и заглянула в глубь стола. Пусто, только на дальней стенке висит паутина. Сдвигая ящик обратно, я прищемила себе палец. Ходил он туго.

Хлеб я доела наверху, сыр оставила на завтрак. Кровать качнулась. На полу белел клочок газеты, и на нём в свете лампы я увидела поперечные бороздки. Внизу у стола было две такие же зарубки возле ручки. Газету туда вставляли много раз, всегда на одно и то же место.

Интересно было поглядеть, что случится, если ещё на ночь оставить ящик без подпорки. Я забрала подушку и спустилась. На почтовой скамье замечательно спалось, пока не затекло ухо. Меня разбудили часы на пристани. Они только что пробили, и Томов пёс, который любил к ним присоединиться, ещё тянул последнюю ноту.

Из стола торчал уголок бумаги.

Я присела перед ним на корточки. Ящик выдвинулся ровно настолько, чтобы просунуть конверт. Потянула за кончик, и письмо легло в руку. Марка была наклеена вверх ногами. Я повернула конверт к лампе. Штемпель отпечатался чисто, даже тонкий ободок вышел целиком. Двадцать второе мая. Я посмотрела на часы. Половина первого. Двадцать первое только что началось.

Письмо было для моей младшей сестры. «Элси Вейл», а ниже мелко приписано «со двора», потому что в парадную дверь у нас стучали, бывало, и до вечера, пока мать с нами возилась на кухне.

Я перевернула конверт.

На обороте под словом «Вручено» стояла моя подпись.

Глава 2. Со двора

У дома сестры я зацепилась рукавом за калитку. Я шла к сестре с целой речью, а вышло, что первыми моими словами за двадцать лет были «подержи, пожалуйста».

Элси сняла мой локоть с торчащего гвоздя. На ней был материн передник. Я узнала его по карману из занавески. Сама Элси успела поседеть над одним ухом, и мне почему-то хотелось разглядеть это место поближе.

— Ты завтракала? — спросила она.

— У меня сыр.

— Где?

Сыр лежал наверху, в комнате для почтальонов. Я машинально оглянулась в ту сторону. Элси подняла мою сумку, которую я уронила в крапиву.

— Входи. Потом мне расскажешь, какой у тебя сыр.

На кухне она сунула мне в руки миску и повела за локоть туда, где отродясь у нас не было стола. Я чуть не села на мешок с луком. Сестра отодвинула мне стул.

— Мать любила у окна, — сказала я.

— А я люблю, чтобы сковорода под рукой. Доешь вчерашнее? На лепёшки не хватило молока, они на воде.

Я взяла лепёшку. Элси свернула свою в трубку, обмакнула в яблочное повидло и ловко подхватила пальцем каплю с другого конца. Этому её научила я. У меня капля попала на манжету.

— Нора, да сними ты сумку. Она меня под столом по колену бьёт.

Я сняла ремень и положила письмо между нами на сухое место. Пока сестра мыла ложку, я успела оглядеть кухню в поисках хоть одной вещи, которая подсказала бы, с чего начать разговор. На полке сохла детская рукавица, зашитая зелёной шерстью. Чей ребёнок? Живёт ли здесь? Где второй круг от выгоревших обоев, на котором прежде висели отцовские часы? Как из этого выбрать один вопрос, я не знала.

— Тебе письмо, Элси.

— Вижу.

— Могу сказать, от кого.

— Свою старшую сестру я и по тому, как она заворачивает букву «с», узнаю. Ты всегда так старалась оставить место следующей букве, что места ей как раз и не хватало.

Я пригляделась. В её имени последняя буква действительно уехала на край, хотя места на конверте было вдоволь.

— Я писала его перед отъездом, — сказала я. — Положила в почту своими руками. Мне казалось, ты его прочитала.

Элси вытерла ложку.

— А мне казалось, ты уехала во вторник. Я хорошо помню вторник. Кишки для колбасы привезли накануне, мать забыла меня предупредить, и утром я открыла буфет.

Она передёрнула плечами, и я засмеялась. Сестра тоже. Смех у неё огрубел, словно она за эти годы научилась окликать людей на другом берегу.

— В среду я уехала. На рассвете, — сказала я. — В письме есть час, когда отходит лодка. Тебе, пожалуй, ни к чему узнавать его теперь.

Я протянула руку за конвертом. Элси придержала его черенком ложки.

— А это уже мне решать, верно?

Я убрала руку.

— Конечно. Прости.

На заднем крыльце постучали. В дверь просунулась девочка с двумя голыми запястьями. Элси сняла зелёную рукавицу с полки, вынула из неё вторую и отдала обе.

— Надену дома, — пообещала девочка.

— В мае можешь подождать до осени.

— Мама сказала показать, что не тесные.

Элси дождалась, пока на каждом пальце у девочки окажется по вязаной шишечке, и отпустила её. Девочка ушла с раскрытыми ладонями перед собой, как уходят с кухни, когда ногти вымазали вишней.

— А я уже думала, у тебя дочь, — сказала я.

— Была бы моя, я бы зимой заметила, что они тесные. Сюда с пристани носят, кому что починить. Если я возьмусь, кладут в передней. Пройди потом посмотри, там столько хороших вещей, что себе ничего завести нельзя. Вечно кажется, будто уже есть.

Это была первая вещь, которую я узнала о нынешней жизни сестры. Можно было узнать и вторую. Я спросила, в самом ли деле она умеет чинить всё, что приносят.

— Прошлым летом принесли треснувший арбуз, — сказала Элси. — Управилась ложкой. А теперь послушай. Я с утра жду половину пристани, ты мне кладёшь на стол двадцать лет, и на лепёшки у нас с тобой осталось минут пять. Пожалуйста, доешь.

Я доела. Потом вынула из сумки чистый лист, сложила карманом и подвела под письмо. Бумага после ночи хрустела на сгибах. Если его таскать без обёртки, сестре достанутся отдельные слова.

— Куда мне его положить?

Элси подняла ложку. На ней отпечаталась маленькая рыжая галочка от чернил.

— Пока у тебя. Я за ним сама приду. Как вы там говорите, когда человек за письмом сам приходит?

— До востребования.

— Вот. Теперь у нас это называется до востребования. Мне надо, чтобы ты была на месте, когда я вскрою. И чтобы мне никто не принёс арбуз.

— Когда приду с обхода, я бываю там до вечера.

— Так и напиши. У тебя прежде было написано «Открыто», а я пришла вчера и простояла у окна, как дура.

Я вспомнила человека на крыльце, пока Том держал для меня калитку. И как он потом ещё раз заглянул в окно.

— Дважды приходила? — спросила я.

— А что? У меня сестра приехала.

Тут я взялась за блюдце, хотя давно доела, и унесла его к мойке. Элси не стала мне помогать. За это ей отдельное спасибо.

В передней у неё на гвоздях висело немало занятного, в том числе складной стул без сиденья и сиденье без стула. Возле двери на низкой полке лежал деревянный колокольчик. Я тронула его. Внутри на проволоке сидела крупная сухая горошина.

— Это для тех, кто стесняется постучать?

— Это от речной почты. Глухой стук по дереву через воду слышен хорошо. Принесли заново привязать рукоять. У меня другие дела были, а лодка пока обошлась сковородкой.

Я взяла колокольчик за треснутую ручку. Шнур размочалился там, где тёрся о край отверстия. В сумке у меня был вощёный шпагат. Я вырезала остаток старого шнура, пропустила новый вдвое и затянула узел снаружи, чтобы не цеплялся за горошину. Элси подержала колокольчик, пока я оплавляла концы на свече.

— Можешь сразу унести, — сказала она. — Тот, кто его здесь оставил, сейчас у тебя под дверью. Каждое утро ходит за почтой для острова.

— На остров маршрут отменили ещё зимой. У меня бумага об этом есть.

Элси подала мне сумку. Через тонкую кожу я нащупала жёсткий край сестриного письма.
— Возьми всё-таки колокольчик, — сказала она. — Человек там до сих пор ходит.

Глава 3. Обратный рейс

У почтовой двери сидел мальчишка в мужских сапогах. Одну ногу он держал на весу, а из другого сапога выливал воду.

— Промок? — спросила я.

— Ноги сухие. Это у вас с крыши за ворот капает, если сесть под вывеской. Пришлось сапог подставить.

Я подняла голову. У чайки над крылом разошёлся стык желоба. Острый нос нашей вывески целил в седока, и вода последней ночной мороси аккуратно стекала по этому носу. Мальчишка ждал меня достаточно долго, чтобы набрать полсапога.

— В другой раз садись на ступеньку сбоку. А лучше стучи в верхнее окно. Тебя как зовут?

— Кит. Можно я вам коврик вытрясу?

Коврик он вытряс, потом подхватил ставню, пока я сражалась с крючком. Чуть было не вынес заодно мою подушку.

— У нас принято доверять почту тем, кто хоть раз назвал свою фамилию, — сказала я.

— Пайк. Я с Ольхового острова. Вот вам от бабушки.

Он протянул жестяную банку с завинчивающейся крышкой. Внутри лежали деньги за марки, письмо и длинный куриный пух. Он вытряхнул всё на прилавок. Пух остался на пальце и щекотал нос, пока я считала мелочь.

— Бабушка при мне писала, — сообщил Кит. — Подчеркнула адрес. Чернила высохли, я пощупал.

На подчёркнутом адресе красовалась синяя подушечка пальца.

— Вполне высохли, — согласилась я. — Только букв под твоим пальцем теперь никто не разберёт. Где у вас бабушка?

— На острове. А другая как раз в том доме, куда пишем. И обе бабушки мои, если вам это поможет.

Помогло. Он продиктовал улицу. Мне осталось на широком поле приписать «со слов внука» и поставить рядом своё имя. Письмо я приняла, марку погасила при нём. Кит протянул пустую банку обратно через прилавок.

— А нам?

Я просмотрела полку утренней почты. Письма для отправки в округ ещё до моего приезда разложили по узким гнёздам с названиями конечных пристаней. На Ольховый гнезда не было.

— На какую букву ищете? — спросил Кит.

— На любую. Здесь только большой берег остался. У вас на острове фамилии какие?

Он начал перечислять и остановился лишь на слове «ягнята». Ягнятам, насколько он знал, почта пока не приходила. Я выбрала в гнезде Большой пристани все письма на названные фамилии. Таких оказалось три. Адреса в полном порядке. Все на Ольховый, выдача в окружной конторе. Ближайший окружной воз уходил после обеда.

— И как давно за ними у вас в округ ездят?

— Один раз дед ездил, — сказал Кит. — Туда помог доски везти, обратно тоже пешком. Ему там выдали бумажку, что он может прийти за письмом.

Я отложила конверты. Отдать чужие письма мальчику я могла по поручению адресатов. Знать обеих его бабушек для этого было мало. Кит прекрасно понимал, в чём затруднение. Он вынул из сапога сложенную вчетверо бумагу, расправил. Бумага была сухая. Под коленом у него держался на подвязке холщовый кармашек. Хорошие сапоги, обстоятельные.

— Читать можно, только не дёргайте за верх. На верхнем сгибе наша докторша расписалась, а она говорит, больше не будет.

Я обвела карандашом дырочку на сгибе и сверила имена. Докторша и дед Кита были в списке. Третьего человека, некоего Сайла с Нижней отмели, в бумаге не было.

— Два берёшь. За остальным пусть сам придёт, или вот на этом бланке напишет, кому можно выдать.

— А с ним беда, с Сайлом. Он в мае с отмели не выезжает. У него гуси садятся на яйца, и пока они сидят, он тоже.

За дверью мужчина тщательно вытер ноги. Потом подошёл к прилавку и положил передо мной шляпу отверстием вверх. В шляпе лежал ключ от почтового сарая и несколько мелких морщинистых яблок.

— Впредь, — сказала я, — все, кому предстоит доставать документы из одежды, сумок и посуды, сперва сообщают, есть ли там что-нибудь мокрое.

— Яблоки мытые, — сказал мужчина. — Я по дороге съел больше половины. Вам оставить?

Он назвался Феликсом Дейном, объездчиком округа. Ключ ему дала бывшая начальница. В сарае хранились весы и складная мачта, которые надлежало внести в опись. Меня он нашёл по тому, что наши ставни открыли и у двери лежал чисто вытрясенный коврик.

Кит тем временем уложил конверты в банку, проложил сбоку моим пустым бланком, чтобы не помять, и старательно закрутил крышку. Глядя на него, Феликс достал из шляпы самое крупное яблоко и положил сверху. Мальчик унёс всё вместе, сохраняя равновесие.

— Вы его давно знаете? — спросила я.

— Знаком с его кормой. Плывёт, а у меня на причале собака соскочила с поводка. Он возвращается, забирает псину. Потом я вижу, что собака опять на берегу, а парнишка уже уплыл. Просто ей нравилось туда и обратно. Рассчитался сыром. А что?

Я показала ему конверт, которому предстояло ехать в округ, подождать там милости Сайла и проехать обратно мимо гусей. Феликс сунул в карман ключ, который только что принёс мне. Я протянула ладонь. Он подумал, положил мне яблоко. Пришлось взять его в зубы и протянуть ладонь ещё раз.

— Я читал, что на острове почты мало, — сказал он, отдавая мне ключ. — За зиму ни одного оплаченного обратного рейса. У вас есть с чем спорить?

— Если я правильно поняла этого мальчика, он гребёт сюда каждый день. И едет обратно независимо от того, есть ли что в банке. С какой стати вам его рейсы оплачивать?

— А если он заболеет? До весны ходил его отец. Ногу сломал. До отца ходил кто-то ещё. Вы всегда получали услугу, за которую никто не отвечал. В округе за потерянное письмо хотя бы есть кому заплатить.

Я прожевала яблоко. У меня в сумке были бланки с разлинованной графой для фамилии того, кто принял почту. Кит в своей лодке мог утопить жестянку, и с кого я спрошу? С его бабушки?

— Дайте мне утро на воде, — сказала я наконец. — На своём берегу я всякое письмо пристрою, хоть под курицу. Хочу посмотреть, сколько там ходьбы, если идти как положено, и где передавать сумку под расписку.

— Суббота вас устроит? До обеда я свободен. Поеду с вами, сниму расстояния. А пока конверт на Нижнюю отмель надлежит отправить в округ.

— Почему? Он у меня в гнезде для выдачи. Здесь можно держать до субботы.

Феликс переместился к торцу прилавка и оттуда посмотрел на полку.

— А где у вас это гнездо?

Я вынула картонную перегородку у самых толстых конвертов, согнула её по старому сгибу и вставила под прямым углом. В получившееся отделение как раз вошла моя кисть. Отрезала полоску бумаги, написала название острова и вставила в медные ушки над полкой. Сайлу с его гусями хватило места с запасом.

— Пришло, — объяснила я. — Ждёт получателя. На ночь запираю. Объявление о часах работы сейчас повешу.

— Неплохо бы объявить и на том берегу, — сказал Феликс.

Я сняла с шеи шнур, за который несла колокольчик. В окне уже виднелся Кит. Он бежал обратно за забытой сковородкой, которую привязал к столбу возле крыльца.

Я отдала Киту колокольчик и подержала его лодку за нос, пока он укладывал сковородку под сиденье. С воды Кит помахал мне колокольчиком. Горошина застучала о сухое дерево. Я поднялась к почте. Кит успел отплыть далеко, а его всё ещё было слышно. Том вышел с полотенцем на плече и помахал ему из кухни. До Ольхового долетало замечательно.

Поздно вечером я поставила на прилавок жестянку для всех мелочей, которые когда-нибудь кто-нибудь вынет у меня из сапога. Потом задвинула ящик, села на скамью и принялась штопать манжету. Когда часы пробили полночь, я как раз вдевала в иглу новую нитку.

О край жестянки тихо тюкнуло. Она стояла вплотную к ручке ящика. Между деревом и металлом теперь белел конверт. Одна сторона приподнялась, и жестянка легонько качалась, пока я не придержала её ладонью.

«Первому басу. Старая певческая пристань». На обороте под словом «Вручено» темнел след от большого пальца. Я приложила рядом свой большой палец. Чужой след выдавался с обеих сторон.

Я перевернула письмо. В углу, где обычно пишут имя отправителя, кто-то вывел мелкими буквами просьбу.

«Если

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.